

ИЗ ЛОНДОНСКОГО БЛОКНОТА

Мы — в Лондоне.

Сразу же от аэродрома потянулись невысокие, двухэтажные дома, окруженные небольшими цветниками. Англичане называют их садами. Линии этих домов дошли почти до самого центра города. Яркие красные двухэтажные автобусы и троллейбусы идут чуть ли не вровень с их крышами.

У нас не то очень низкие дома, не то очень высокие автобусы, — шутят англичане.

Когда англичанин приглашает вас в гости, он называет только улицу и номер дома, не указывая квартиры. Считается, что каждый англичанин живет в своем доме. Это, конечно, условность — обычно большой двухэтажный дом делится по вертикали на несколько отсеков — десять и более. Каждый отсек имеет свой номер, свой вход, свою окраску и свой сад-цветник.

В Лондоне узкие улицы и почти нет больших площадей, но зато много места занимают парки с могучими деревьями, они придают необычайную красоту городу.

Чем ближе к центру города, тем чаще останавливается наш автобус. Лондонские улицы буквально захлебываются от машин. Большинство лондонцев не имеют гаражей, машины круглый год стоят на улице.

Пока мы разместились и поужинали, стало совсем темно. Но мы все же уговариваем гида провести нас по городу.

Пикадилли. Центральная улица Лондона. Здесь началось неистовство реклам. Рекламы стараются перецеголять друг друга цветами огней, разнообразием световых комбинаций.

Мы двигаемся в большой и пестрой толпе пешеходов. Впрочем, пестро одеты только женщины, мужчины одеваются скромно.

— Настоящий джентльмен одевается так, что про него нельзя сказать, как он одет, — говорят англичане.

Витрины магазинов ярко освещены.

— Английские товары отлично-

Л. МАЛЮГИН

го качества, — говорит нам гид и добавляет с улыбкой: — Но цены оставляют желать лучшего!

Сейчас магазины привлекают покупателей яркими призывами: «Сейл!» — распродажа. Два раза в году, в середине зимы и в середине лета, объявляется распродажа — коммерсанты стремятся распродать залежавшиеся сезонные товары.

Британская столица гостеприимно раскрывает свои ворота для гостей. Это касается не только дворцов и многочисленных музеев (их в Лондоне около пятидесяти, и почти все они бесплатные), прямое назначение которых быть объектом внимания туристов и экскурсантов. В те дни, когда парламент не работает, обе его палаты — палата лордов и палата общин —

свободны для обозрения. Мы побывали, разумеется, и там, и в Вестминстерском аббатстве — старинном соборе, месте коронации английских королей.

И в парламенте и в Вестминстерском аббатстве не протолкаться — так много здесь посетителей. Свободно чувствуешь себя только в соборе святого Павла. Но не потому, что здесь мало туристов, а потому, что очень уж велики размеры этого здания. Мы поднялись на внешнюю галерею собора и отсюда долго любовались Лондоном.

Старая Англия — это не только соборы, дворцы Виндзора и Хэмптон-Корта, мрачная крепость Тауэр, где совершались казни и десятилетиями томилась узники. Ее можно увидеть просто на улице в окружении машин новейших марок. По дороге к вокзалу Виктории (мы должны были ехать в приморский курорт Брайтон) мы увидели странную процессию: под звуки военного оркестра шли солдаты в

ярких мундирах и высоких медвежьих шапках. Это королевская гвардия направлялась на очередную смену караула у Букингемского дворца. Казалось, что происходит съемка какого-то исторического фильма.

Англичане любят точность, пунктуальность. Они говорят со свойственным им юмором: — Мы никогда не опаздываем потому, что не любим спешить!

И, действительно, в Лондоне — на улице или в метро — очень редко увидишь спешащего человека. Чаще всего торопящихся людей можно увидеть, как это ни странно, при осмотре достопримечательностей Лондона.

— Но это же не англичане! — ответил наш гид, когда мы поделились с ним своими наблюдениями.

Может быть, потому, что в музеях с их тихим покоем, охраняемым солидными предупредительными служителями, спешить неудобно, туристов здесь значительно меньше, чем во дворцах и соборах. В имеющем мировую славу Британском музее я был два раза и оба раза бродил по пустынным залам.

Для того чтобы ознакомиться с живописными богатствами Лондона, приходится осматривать немало музеев. В Национальной галерее можно увидеть полотна крупнейших художников, начиная от средневековья и кончая началом нашего века. Но лучших английских мастеров можно увидеть не в Национальной галерее, а в Тейт-музее, бывшей частной коллекции, переданной ее владельцем нации. Здесь широко представлены знаменитые английские художники — Хогарт, Рейнольдс, Гейнсборо, Констейбл и в особенности Тернер.

В каждом из художественных музеев можно найти и полотна модернистских школ, в частности работы сюрреалистов. Многие из этих картин развешаны в полутемных коридорах — и бывшие владельцы коллекций не обижены, и экскурсантам спокойнее. Но, например, в Тейт-музее по соседству с шедеврами Рембрандта и Тициана экспонированы картины с изображением цветных прямоугольников или с такими изображениями, которые требуют специальных переводчиков от живописи. Обычному человеку невозможно определить, что там нарисовано.

— Представьте, как мне здесь страшно! — с улыбкой сказал нам служитель, показывая на экспонаты, которые он вынужден охранять.

Сейчас время спортивных соревнований, а не театральных премьер, но все же один из вечеров мы провели в театре. В Комеди-театре мы видели очень интересный спектакль — музыкальную драму Бертольда Брехта «Трехгрошевая опера» (она в свое время шла у нас в Камерном театре под назва-

нием «Опера нищих»). Спектакль с хорошей режиссерской выдумкой, с талантливым исполнением, он настолько выразителен, что почти не приходилось прибегать к помощи переводчика. Спектакль этот хорошо принимается зрителем — он идет уже много недель, но сейчас сборы упали, и в ближайшие дни, как объяснили нам организаторы спектакля, он должен умереть. Такова судьба всех лондонских спектаклей: они идут ежедневно, пока к ним не падает интерес, а потом исчезают навсегда. Ставится новый спектакль, для которого чаще всего набираются новые артисты.

Есть в Лондоне, конечно, и постоянные театральные коллективы, и старые, пользующиеся большой, заслуженной репутацией театры, и молодые коллективы. Большой интерес у зрителей вызывает молодой коллектив «Театральная мастерская», работающий в одном из рабочих кварталов. Этот театр, соревнуясь со старейшим лондонским театром Олд Вик, который славится классическим исполнением шекспировских пьес, осуществляет сложную и интересную постановку «Макбета». Театр известен уже за пределами Англии, он с успехом гастролировал в Швеции, прошел с триумфом в прошлом году на театральном фестивале в Париже.

Нам, к сожалению, не удалось встретиться с Питером Бруком, показывавшим прошлой осенью москвичам спектакль «Гамлет» (он был в отъезде), но нам рассказывали, что Брук выступил с докладами и статьями о советском театре и дал высокую оценку нашим режиссерам и актерам. Его «Гамлет» вызвал большой интерес у лондонцев — этот спектакль дал рекордное за последнее время число представлений — 125. Английские театральные критики высоко оценили игру Скофилда в роли Гамлета. Брук сейчас занят режиссерской экспозицией «Клопа», которого он предполагает поставить в Лондоне или в Нью-Йорке.

Один из вечеров мы провели в Эмпресс-холле, где выступал ансамбль Советской Армии. Зал вместимостью около восьми тысяч

зрителей был переполнен. Большинство номеров приходилось повторять. Когда ансамбль исполнял английские песни, зрители начинали дружно подпевать, и чуть ли не весь зал превращался в могучий хор. Нам рассказывали о том, с каким большим успехом проходили здесь гастроли «Березки», ансамбля народного танца под руководством Моисеева, кукольного театра, руководимого Образцовым, советского цирка. Наши новые лондонские друзья просили нас помочь попасть на спектакль балета Большого театра. Гастроли будут осенью, а все билеты уже давно проданы.

Ежедневно мы убеждались в огромном интересе к нашей стране. Это сказывалось во внимании и радушии, которые мы встречали всюду.

Прошлой осенью в Советский Союз приезжала большая группа английских туристов. Сейчас комплектуются новые группы; туристские маршруты в СССР уже можно видеть в справочных и рекламных проспектах. Правда, здесь не обходится и без курьезов. В одной из газет мы увидели объявление о туристской поездке в Советский Союз, причем рядом с текстом был изображен лихой молодец в косоворотке, шапке-кубанке, узких грузинских сапогах и с балалайкой величиной с человеческий рост. Ну, что ж, знания нашего народа у англичан еще маловато, но интерес большой.

Мы побывали в рабочем городке Кроули, на заводе, изготавливающем оборудование для молочной промышленности (он, в частности, выполняет заказы и для СССР). Была у нас намечена экскурсия на автомобильный завод Моррисона, но в последний момент ее отменили — администрация завода наметила увольнение трех тысяч рабочих, и в такое время, разумеется, было не до экскурсий.

Особенно запомнился нам воскресный вечер в рабочем поселке Харлингтоне. Мы попали туда после довольно утомительного туристского дня — осмотра Виндзора и дворца в Хэмптон-Корте. Но атмосфера вечера была такой непринужденной, а бы ска-

зал, домашней, что мы очень скоро почувствовали себя отдохнувшими. В скромном клубе общинной ассоциации для встречи с русскими собрались молодежь, рабочие средних лет, матери с маленькими детьми, старики, видимо, уже выпавшие на пенсию, даже инвалиды в колясках. Чтобы быстрее установить знакомство, каждому из нас дали картонную карточку, где мы написали свои имена в латинской транскрипции. После товарищеского ужина начался вечер самодельности. Нам пели английские песни, играли на различных инструментах. В ответ скрипаче Г. Бариновой быстро достали скрипку, и она сыграла несколько вещей под шумные аплодисменты слушателей.

Начались английские народные танцы — неприхотливые, но удивительно поэтичные. Мы смотрели на них с удовольствием. Но к нам подходят молодые англичанки и приглашают нас на танцы. Отказываться неловко, и нам приходится исполнять танцы, которые мы только что увидели впервые. Мастерства, конечно, маловато, но веселья достаточно. Время позднее, и мы исполняем прощальную песню, которую здесь поют, взявшись за руки, наподобие нашего хоровода.

Прощание с новыми друзьями явно затягивалось. Водитель нашего автобуса дал резкий гудок. Нам показалось, что этот гудок выражает его недовольство: ведь уже давно кончилось его рабочее время, и он потерял возможность хотя бы часть воскресного вечера провести дома. Но, оказывается, водитель требовал внимания к своей персоне. И когда на мгновение воцарилась тишина, он начал петь в микрофон, предназначенный для гда, веселую песенку. Он допел ее до конца, и лишь после этого автобус тронулся, провожаемый приветственными криками наших новых друзей.

На этом вечере не произносились никакие официальные речи, но он наглядно показал, что наши народы хотят жить в большой и сердечной дружбе.

Советские туристы возлагают венки на могилу Карла Маркса. Фото автора.